

С М Ъ С Ъ.

Не можетъ быть.

Пасхальный рассказъ.

„По убогой, запущенной церкви ходить священникъ. Кадить и поеть: „Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа“... Поеть и кадить, а рабовъ-то и пѣть: въ церкви пусто“...

В. Розановъ.

Уже съ середины поста у о. Петра по обыкновенію стало создаваться предпраздничное настроеніе. Самый постъ становился о. Петру все ближе и дороже. Онъ не только привыкалъ къ строгому воздержанію, но находилъ въ немъ особенную прелесть и сладость. Постъ усугублялъ радость ожиданія. И часто о. Петръ думалъ:

— А нѣкоторые не любятъ поста. Богъ съ ними, но я не понимаю: зачѣмъ они умаляютъ радость праздника? Въ постъ какъ-то углубляешься въ мысли о Христѣ, объ Его униженіи, объ Его терпѣніи и страстяхъ. Въ постъ страдаешь вмѣстѣ со Христомъ, а потомъ, въ воскресеніи, вмѣстѣ съ Нимъ воскресешь.

И о. Петръ простаивалъ долгія, покаянныя службы, довольствовался супомъ съ грибами и чаемъ съ медомъ, съ улыбкой смотрѣлъ, какъ все ниже и ниже падаютъ снѣжные сугробы, какъ по утрамъ покрываются они глянцевитымъ ледянымъ слоемъ, который серебристыми брызгами горитъ на великопостномъ —лучистомъ и вмѣстѣ меланхолическомъ—солнышкѣ.

А вотъ здѣсь не таетъ,—говорилъ про себя о. Петръ, когда, проходя изъ церкви послѣ исповѣди, видѣлъ близъ узкой, извилистой тропинки доску или клокъ соломы, подъ которыми снѣгъ не таялъ и стоялъ маленькимъ, но задорнымъ бугоркомъ.

О. Петръ перебрасывалъ доску или солому на другое мѣсто, и радовался, когда, проходя по узкой, извилистой тропинкѣ на другой день, уже не видѣлъ задорнаго бугорка.

— Быстро таетъ. Скоро Пасха.

И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ напряженнѣе становилось у о. Петра чувство ожиданія праздника. Онъ чувствовалъ, будто сердце у него ширится и растетъ въ груди. Съ половины шестой недѣли начались уже и приготовленія къ празднику. Въ церкви очищались отъ пыли иконы, кіоты, мылись стѣны и полъ, наводился блескъ на золотыя вещи, на сосуды, готовились лампадки и фонари для иллюминаціи, пересматривалась ризница, псаломщикъ въ церковной школѣ устраивалъ спѣвки къ празднику. Готовили концертъ „Да воскреснетъ Богъ“. Псаломщикъ назначалъ спѣвки по вечерамъ, около 6 часовъ. Часовъ въ деревнѣ было не много, а тѣ, какіе были, показывали время по-разному. Поэтому нѣкоторые дисканты и альты приходили въ школу около 4 часовъ и раньше. Кромѣ пѣвчихъ, къ школѣ собирались любители пѣнія, и около школы всегда толпился народъ. Отъ этого казалось, что праздникъ совсѣмъ близко, что его уже вышли встрѣчать.

Пѣли съ восковыми свѣчами. И это пѣніе въ полутьмѣ большой классной комнаты съ темными силуэтами слушателей по угламъ и съ красными, дрожащими бликами по стѣнамъ отъ горящихъ дровъ въ печкѣ придавало спѣвкамъ отпечатокъ чего-то необычнаго, важнаго и экстреннаго.

О. Петръ любилъ заходить на собранія въ школѣ послѣ вечерень, и необычная обстановка спѣвокъ еще болѣе усиливала предпраздничность его настроенія:

— Скоро Пасха.

Со Страстной недѣли начались приготовленія и въ самомъ домѣ о. Петра. Здѣсь тоже чистили, мыли, скоблили, рубили. Все въ домѣ было въ движеніи, все шумѣло, суетилось, стучало, звенѣло. Въ домѣ о. Петра приготовленія велись совсѣмъ не такъ, какъ въ церкви или на спѣвкахъ, безъ торжественности и безъ внутренней сосредоточенности. Здѣсь иногда было даже вздорно и смѣшно. И тѣмъ не менѣе, когда о. Петръ видѣлъ, какъ кухарка, растрепанная и сердитая, моя квашню и посуду, беспощадно плескала воду направо и налево и глухо ворчала что-то себѣ подъ носъ по адресу матушки,—о. Петръ и въ этомъ ворчаньѣ кухарки слышалъ одно:

— Скоро Пасха.

Сегодня Страстная суббота. Послѣдній день... Пасха завтра... Во время обѣдни за пѣніемъ „Воскресни Боже“ перемѣнили облаченіе на престолѣ, на жертвенникѣ, на всѣхъ аналояхъ. вмѣсто темнаго надѣли все бѣлое, сверкающее. Раскрыли ярко вычищенные подсвѣчники и паникадила со вставленными въ нихъ высокими, бѣлыми, съ позолотой, свѣчами. Въ церкви сразу стало какъ-то непривычно бѣло, свѣтло и чисто. Послѣ обѣдни благочестивыя женщины еще разъ вымыли полъ, украсили иконы и подсвѣчники розовыми и бѣлыми цвѣтами; староста со сторожемъ разставили по иконостасу и по аркамъ лампадки съ масломъ такъ, что онѣ образовывали вензеля „Х. В.“ и цѣлыя фразы: „Радуйтеся людіе! И паки реку: радуйтеся!“ „Нѣсть здѣ, но воста“ и и т. дал. Въ 7 часовъ о. Петръ положилъ начало чтенію „Дѣяній“, потомъ пришелъ домой немного закусилъ, выпилъ два стакана чаю и, чтобы подкрѣпиться силами къ служенію праздничной утрени, прилежъ отдохнуть, распорядившись непремѣнно разбудить его къ половинѣ 11-го.

О. Петръ сильно усталъ отъ службы и отъ поста на Страстной недѣлѣ. Предыдущую ночь онъ совсѣмъ не спалъ. Утрению служили около часу ночи. Спать хотѣлось, но какъ-то странно было спятъ въ необычайный, таинственный вечеръ предъ пасхальной заутреней. Тѣмъ не менѣе о. Петръ прилежъ. Усталость чувствовалась во всѣхъ членахъ. Все тѣло какъ будто каменѣло, но въ груди было такъ много жизни и остраго, горя-

чаго чувства праздничной радости, что о. Петръ долго ворочался съ боку на бокъ, какъ это бываетъ во время бессонницы. Но какъ бы то ни было, усталось перевозмогла напоръ чувствъ, и о. Петръ забылся.

И каково же было его смятеніе, его ужась и страхъ, когда онъ, проснувшись, увидѣлъ, что часы показываютъ... 1/2 второго. — Боже мой! — растерялся о. Петръ: — полночь давно прошла... Что же это такое! Какъ случилось?.. Не разбудили... Какъ это такъ? Но гдѣ же всѣ?

О. Петръ въ замѣшательствѣ метался по комнатѣ, хватался то за одно, то за другое, бралъ не то, что было нужно, задѣвалъ за стулья, уронилъ лампу, разбилъ стекло у часовъ.

— Боже мой! Ничего ни найдешь... Да гдѣ же всѣ? Уѣхали въ другое село? Что такое? Кто здѣсь? Кто здѣсь? — выкрикивалъ о. Петръ.

Кое-какъ ему удалось набросить на себя рясу, и онъ со взъерошенными волосами, горячій, потный, стремглавъ бросился на улицу. Но едва онъ вышелъ за калитку двора, какъ въ онѣмѣнни остановился.

— Что это?

На площади вокругъ церкви было совершенно темно и пусто. Ни въ одномъ окнѣ не было видно ни огонька. Не было слышно ни звука. Это совсѣмъ не такъ, какъ въ пасхальную ночь. Тогда церковь и изнутри и снаружи горитъ сотнями огней. Тогда гуль голосовъ на площади несется далеко за рѣку и эхомъ отдается гдѣ-то тамъ, въ горахъ. А это? Боже!

О. Петръ не могъ двинуться съ мѣста. Взглядъ его упалъ на деревню. И тутъ все было, какъ обычно. Ночь какъ ночь. Самая обыкновенная ночь. Въ крестьянскихъ избахъ темно. Вокругъ ничто не зашелохнетъ. Слышно, какъ работаетъ на рѣкѣ водяная мельница.

— Работаютъ! — ужаснулся о. Петръ: — въ такой день работаютъ!..

И онъ почти прокричалъ:

— Не понимаю. Ничего не понимаю.

На чьемъ-то дворѣ звякнуло ведро, и послышался голосъ:

— Да тпру, стой!.. Тпру...

Ничего похожего на пасхальную ночь.

О. Петръ въ недоумѣнни бросился опять къ себѣ въ домъ. Вездѣ тишина. Но въ столовой накрытъ столъ. Бѣлоснѣжная

скатерть блестить. На ней куличъ, сыръ, яйца, ветчина, все какъ нужно для Пасхи. На всемъ въ домѣ чистота и праздничность.

— Нѣтъ... Пасха, Пасха... Но какъ же такъ? Что же церковь?

О. Петръ опрометью направился къ церкви. Подошелъ къ двери, взялся за скобку—заперта. Посмотрѣлъ на сторожку—темно.

— Это все сторожъ... Прохорычъ,—рѣшилъ о. Петръ:—это онъ проспалъ. Онъ. Потому такъ это все.

О. Петръ подбѣжалъ къ сторожкѣ и безпощадно застучалъ по подоконнику:

— Прохорычъ! Прохорычъ! Проспалъ! Заутреню проспалъ!.. Скорѣе!..

Отвѣта не было.

— Прохорычъ!—еще громче кричалъ о. Петръ и еще сильнѣе стучалъ по подоконнику.

Окно отворилось, но высунулась изъ него голова не Прохорыча, а кого-то другого, бритаго и похожаго на швейцара.

— Какой Прохорычъ? Что такое? Пожаръ? Гдѣ пожаръ? спрашивала голова:—а? что?

— Да проспалъ заутреню,—горячился о. Петръ:—звони скорѣе!.. Понялъ что ли? Сегодня Пасха.. Ну?

Голова нѣсколько мгновеній въ недоумѣннн помолчала, потомъ сощурила заспанные глаза, внимательно и подозрительно окинула взоромъ фигуру о. Петра и, наконецъ, заговорила:

— Заутреня? Пасха?.. Гм!.. Чудно!.. Какая такая заутреня?

— О, Господи Боже мой,—волновался о. Петръ:—онъ еще не понимаетъ!—Да въдь нынче же Пасха, Пасха... Сейчас заутреню нужно... Пасхальную заутреню...

Голова опять промычала „гм“, опять подозрительнымъ взглядомъ окинула о. Петра и, изобразивъ гримасу удивленія и досады на лицѣ, промолвила:

— Я сейчасъ къ вамъ выйду.

Черезъ нѣсколько минутъ предъ о. Петромъ стоялъ чело-вѣкъ, одѣтый въ какую-то форменную одежду.

— Простите,—началь онъ:—я васъ совсѣмъ не могу понять. Прежде всего скажите пожалуйста—кто вы?

— Какъ кто?—почти съ плачемъ отвѣчалъ о. Петръ:—я здѣш- ній священникъ! Священникъ здѣшннн! И сегодня Пасха. Нуж-

но служить, но я проспалъ, и всѣ проспали. . . Что же вы молчите? Господи! я тоже ничего не понимаю.

— А я начинаю понимать,—съ разстановкой произнесъ чело-вѣкъ въ формѣ:—вы, очевидно не совсѣмъ здоровы и упустили изъ виду, что теперь не существуетъ ни Пасхи, ни заутрени, ничего такого...

— У о. Петра зашевелились волосы на головѣ. Онъ стоялъ и широко раскрытыми, неподвижными глазами смотрѣлъ на чело-вѣка въ формѣ.

— Вотъ, присядьте, прошу васъ, предложилъ сторожъ: здѣсь у меня скамейка. Вы очень слабы. Или—если угодно—я провожу васъ до дому?

— Куда проводить?—До какого до дому?—простоналъ о. Петръ:—я хочу служить.—Пасха сегодня.

— Ахъ, да нѣтъ же,—раздражаясь уже проговорилъ чело-вѣкъ въ формѣ: я же вамъ говорю, что теперь упразднены всѣ праздники.

И вдругъ словно молнія прорѣзала мысль о. Петра. Онъ вспомнилъ, какъ недавно, совсѣмъ—кажется ему—недавно кто-то говорилъ, что у насъ слишкомъ много праздниковъ, что храмы, попы и церковныя школы—это только одинъ вредъ для на-рода, что службы и постъ, это только доходная статья для ду-ховенства и т. дал., и т., дал.

О. Петръ понялъ все и тихо уже, робкимъ и убитымъ то-номъ спросилъ:

— Значить, запечатана?

— Да. Запечатана... То есть не то, чтобы совсѣмъ запечата-на... Иногда отпираемъ. Для интересующихся посѣтителей.

О. Петръ улыбнулся неестественной, болѣзненной улыбкой.

— Пустите меня!—тихо и просительно проговорилъ онъ, и въ тонѣ его голоса слышалась невѣроятная скорбь, гнетущая тоска и вмѣстѣ огненное желаніе быть въ церкви, видѣть святой ал-тарь, а также и боязнь, что чело-вѣкъ въ формѣ не пуститъ его въ церковь. Вѣдь теперь все зависитъ уже отъ него.

Чело-вѣкъ въ формѣ съ состраданіемъ посмотрѣлъ на о. Петра и проговорилъ:

— Ну ужъ что съ вами дѣлать!

Когда сторожъ, запасшись фонаремъ, отперъ знакомый о. Петру замокъ знакомой ему тяжелой, обитой желѣзомъ и скри-пучей двери, имъ овладѣла нервная дрожь.

Господи, спаси и помилуй! Господи!

Сторожъ смотрѣль на о. Петра съ удивленіемъ.

Отперли и вторую дверь, и о. Петръ очутился въ церкви. Чѣмъ-то непривычнымъ и жуткимъ пахнуло на о. Петра.

Повидимому, все въ церкви было какъ и раньше. Осталось все прежнее. Да. Прежнее, прежнее. Вотъ прежнія иконы. Тѣ самыя, предъ которыми о. Петръ отслужилъ столько литургій, отпѣлъ столько молебновъ и акаѳистовъ, предъ которыми ставилъ свѣчи и кадилъ ладаномъ. И сколько глазъ устремлялось бывало къ этимъ иконамъ, сколько предъ ними было пролито слезъ и горестныхъ, и радостныхъ, и благодарныхъ!.. Тѣ самыя иконы... Тогдашнія... И все тогдашнее.. И плащаница здѣсь, у стѣны. И панихидный столикъ. И этотъ орѣховый кіотъ съ иконой Пантелеимона. Да все, все... Но какъ все это посиротѣло, какъ одиноко все и уныло! Подсвѣчники покосились и покрылись ржавчиной. Вотъ видно даже при фонарѣ. Рѣзьба искрошилась и то тамъ, то здѣсь валяется на полу. Подъ ногами даже трещить. О. Петръ поднималъ вѣночекъ съ потускнѣвшей позолотой. Но куда его? Онъ былъ тамъ наверху кіота. О. Петръ бережно положилъ вѣночекъ на окно. Руку его сейчасъ же опутала густая, липкая паутина. Батюшка пошелъ дальше. Подъ ногами хрустѣла рѣзьба и трещали стекла. Должно быть были разбиты окна. О. Петръ взглянулъ вверхъ. По аркѣ были разставлены стаканчики. Можно было разобрать вензеля.

— Боже мой!—обрадовался о. Петръ:—какъ тогда.

Но многіе стаканчики выпали и съ застывшимъ масломъ валялись на полу.

— Какое запустѣніе!—подумалъ о. Петръ:—хоть бы убрали...

Ходя по церкви изъ угла въ уголь, о. Петръ съ нѣжностью, съ чисто материнской ласковостью дотрогивался то до одной вещи, то до другой, прижималъ къ себѣ, подолгу держалъ въ рукахъ, цѣловалъ и крестился.

Пришли на клиросъ. Все было по-прежнему. Вотъ столикъ, за которымъ читали шестосалміе, часы и проч. Вотъ мѣсто, гдѣ всегда стоялъ басъ Никанорычъ. Шкапикъ съ книгами. И книги все тѣ же... Апостоль, часословъ...

— Боже мой!—пугался о. Петръ:—ужели это я? Я, о. Петръ, здѣшній священникъ? И ужели это та церковь, гдѣ я служилъ?

О. Петръ прошелъ на амвонъ. Все по старому. Обратился къ западнымъ дверямъ и долго стоялъ неподвижно.

— Это Пасха?—думаль онъ:—а бывало? Сколько радостныхъ, оживленныхъ лицъ видно было съ этого амвона! Какой чувствовался религиозный подъемъ! Праздничныя одежды, бывало... Свѣчи въ рукахъ...

— Миръ всѣ-ѣмъ!—протянуль о. Петръ, и голосъ у него оборвался. Лицо перекосила судорога.

— Можно ли больше надругаться надъ вѣрующей душой?—подумаль онъ:—поистинѣ золь и мстителенъ сатана. Гдѣ пасхальные цвѣты? Гдѣ огни пасхальные? Гдѣ радость? Гдѣ восторгъ? Гдѣ ликующіе гимны?

О. Петръ отыскалъ въ шкапѣ цвѣтную тріодъ и открылъ ее на первыхъ страницахъ.

Сторожъ поставилъ фонарь въ сторону, а самъ присѣлъ на сундукъ въ углу и задремаль. О. Петръ попробоваль читать по тріоди, но было темно.

— Нѣтъ ли гдѣ здѣсь свѣчи? На клиросѣ всегда были свѣчи... Дѣйствительно, тутъ же на окнѣ оказался желтый огарокъ, твердый, какъ гвоздь.

О. Петръ подошелъ къ фонарю и приложилъ огарокъ къ огню.

Огарокъ затрещаль, и о. Петръ радостно улыбнулся. Онъ всегда любилъ этотъ трескъ свѣчи ранними утрами, когда онъ еще до разсвѣта приходилъ въ церковь и самъ зажигаль первую свѣчу. Онъ и вообще любилъ свѣчу, именно желтую, восковую, такую пахучую. Любилъ ея запахъ, ея скромный и пугливый огонекъ, любилъ онъ молиться со свѣчей. Она какъ будто зажигала что-то въ душѣ, какъ будто говорила ей что-то. Она сама была какъ будто что-то живое и нѣжное. О. Петръ поднесъ свѣчу къ тріоди.

Имъ опять овладѣла нервная дрожь.

Какія слова! Какъ все это близко! Какъ дорого!

„Объ часѣ утреннемъ паракклизіархъ.., вшедь во храмъ, вжигаетъ свѣщы вся, и кандила: устрояетъ же сосуды два со угліемъ горящимъ, и влагаетъ въ нихъ ѳиміама много благовоннаго.., яко да исполнится церковь вся благовоніа. Таже настоятель... со іереи и діаконы облачатся во весь свѣтлѣйшій санъ“.

И дальше:

„Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся“...

Знакомыя, любимыя, священныя страницы! Помнитъ о. Петръ, какъ еще будучи ученикомъ духовнаго училища, любилъ онъ

Великимъ постомъ заглядывать въ эти завѣтныя страницы, и какъ тогда еще святыя и торжественныя слова наполняли его благоговѣйнымъ трепетомъ.

О. Петръ медленнымъ шопотомъ читаль страницу за страницей:

«Очистимъ чувства и узримъ... Христа блистающую! Да празднуетъ же мѣръ... Христось бо воста... Веселіе вѣчное.

— *Вѣчное!*—остановился о. Петръ и продолжалъ читать дальше.

«...изъ гроба Красное правды намъ возсія Солнце... О, други гини! Приидите, вонями помажемъ тѣло живоносное... Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки!»

Во вѣки... Во вѣки...—повторилъ о. Петръ.

Въ глазахъ у него зарябило. И дышавшій радостью слова священныхъ пѣсенъ, и восковыя капли на листьяхъ тріоди, и какой-то особенный, ни съ чѣмъ несравнимый запахъ отъ церковныхъ кожаныхъ книгъ,—все это казалось о. Петру до того сроднымъ, во всемъ этомъ было такъ много души о. Петра, а также души его отца, дѣда, прадѣда, души дьячка Ивана Кузмича и всѣхъ его предковъ, души церковнаго старосты, церковнаго сторожа, здѣсь было такъ много подлинной, живой души каждого русскаго мужика, всего русскаго народа, что взять все это и куда-то запереть, взять цвѣтную тріодь и не дать возможности держать ее въ пасхальную заутреню предъ радостными, возбужденными лицами пѣвчихъ, не капать на ея листы воскомъ, не пѣть по нимъ веселыми, играющими напѣвами сладостныхъ пѣсней,—да это... это невозможно? Это просто невѣроятнo! Это значить взять душу у о. Петра, у Ивана Кузмича, у всѣхъ мужиковъ, у всего народа и совершить надъ этою душою, живою и не думающею умирать, совершить какое-то тяжкое и гнусное преступленіе... Нѣтъ! Это невозможно. И не можетъ быть сомнѣнія, что вотъ нынче же, сейчасъ, въ эту же ночь започнуть по старымъ, закапаннымъ страницамъ тріоди, оживять эти страницы, а также жизнью наполнять и все вокругъ... Это несомнѣнно.

Но о. Петръ оглянулся назадъ, увидѣлъ грязь и пустоту церкви, услышалъ храпъ сторожа въ темномъ углу и стремительный потокъ его радужныхъ мыслей разомъ оборвался. Онъ

посмотрѣлъ на книгу, горько усмѣхнулся, оглянулся на сторожа и робко, стыдливо какъ-то спросилъ:

— А послушайте... Господинъ!.. Послушайте... Можно здѣсь немного попѣть?.. я потихоньку бы...

Совсѣмъ было заснувшій сторожъ приподнялся на локтѣ, посмотрѣлъ вокругъ, увидѣлъ, что ничего особеннаго не произошло и пробормоталъ:

— Ладно... Пожалуйста...

О. Петръ торопливымъ шагомъ на цыпочкахъ подошелъ къ ризничному шкапу и отворилъ его. Двери на ржавыхъ петляхъ закрипѣли незнакомымъ, рѣжущимъ звукомъ. О. Петръ бралъ то одну ризу, то другую...

— Вотъ, вотъ она... Пасхальная,— произнесъ онъ и, благодсловивъ бѣлую, отсырѣвшую ризу, облачился.

Торопливо и осторожно, куда-то спѣша и чего-то опасаясь, прошелъ онъ въ алтарь. Сталъ предъ престоломъ и неувереннымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ возгласилъ:

— Слава святѣй... и нераздѣлимѣй Троицѣ...

И самъ же запѣлъ:

— Ами-инь...

И затѣмъ продолжалъ:

Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смертью попра-авь...

Голосъ о. Петра звучалъ въ пустой, заброшенной церкви глухо и странно. И въ звукахъ этого одинокаго голоса пустота и заброшенность церкви сказывались какъ-то рѣзче, больнѣе и несноснѣе.

И сущимъ во гробѣ-ѣхъ...

Но здѣсь голосъ о. Петра, жопяты оборвался. Онъ безсильно опустился предъ престоломъ на колѣна, положилъ на него свою голову и громко и безудержно зарыдалъ:

— Господи, Господи!— говорилъ онъ между рыданьями: великій Боже! За что такое наказание? За что мука такая? Ужасъ, ужасъ! Господи! Лучше возьми меня отъ этого кошмара. Возьми къ Себѣ, Господи! Возьми къ Себѣ. Или пошли, Господи, людямъ вѣру. Пошли любовь. Утверди, Господи, вѣру ихъ. Растопи ледъ ихъ сердець. Воскресни, Господи, въ душахъ нашихъ. Соедини насъ во имя Твое. Господи! Помоги невѣрію нашему. Или... возьми... возьми меня къ Себѣ... Не дай мнѣ видѣть этого страшнаго позора... Возьми...

О. Петръ рыдалъ все громче. Все его тѣло судорожно вздрагивало. Онъ чувствовалъ, что облаченіе престола стало мокро отъ его слезъ. Но слезамъ какъ будто не было конца.

— Господи! Возьми, возьми меня къ Себѣ...

— Батюшка, а батюшка!—раздалось вдругъ надъ ухомъ о. Петра:—да батюшка. Господи, заспался что-то... Батюшка! Къ утрени пора! Въ Новоселкахъ благовѣстять ужъ. И у насъ все готово. Батюшка!

О. Петръ вскочилъ со своей постели встрепанный, раскраснѣвшійся отъ волненія.

Нѣсколько секундъ онъ, какъ пораженный громомъ, стоялъ неподвижно напротивъ церковнаго сторожа Прохорыча и не говорилъ ни слова.

Потомъ онъ порывисто перекрестился разъ и другой. Оглянулся кругомъ, внимательно осмотрѣлъ Прохорыча и вдругъ засмѣялся веселымъ, радостнымъ смѣхомъ.

— Такъ это, значитъ, сонъ!—вскричалъ онъ:—слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

Онъ обернулся къ иконамъ и опять перекрестился.

— Али сонъ худой приснился, батюшка?—спросилъ недоумѣвающій Прохорычъ.

— И не говори! Такой худой сонъ!—отвѣчалъ о. Петръ и побѣждалъ умываться

— Значитъ, сонъ, сонъ,—повторялъ онъ одно и то же:—слава Богу. Но какой же это былъ ужасъ! Какой ужасъ! Господи, благодарю Тебя! Это былъ сонъ... Да конечно. Какъ же могло быть иначе? Развѣ это возможно въ дѣйствительности? Безусловно нѣтъ. Никогда! Это просто нелѣпо. Это совершенно невозможно. Этого никогда не можетъ быть. Да. Да. *Не можетъ быть.*

О. Петръ выглянулъ на площадь. Церковь была вся въ огнѣ и поднималась къ небу, какъ одна колоссальная свѣча. Вокругъ церкви копошился и гудѣлъ народъ. Собирались жечь смоляныя бочки.

— Конечно, конечно,—торопливо говорилъ о. Петръ:—ничего того не можетъ быть. Такой праздникъ... *Не можетъ быть...*

Когда о. Петръ, одѣвшись, вышелъ на улицу, на него тепло и ласково пахнулъ весенній вѣтеръ. Слышался запахъ прѣлой земли и распускающихся почекъ. Въ мягкомъ и влажномъ воздухѣ плавными, но упругими волнами колебались звуки торжественнаго, частаго благовѣста въ сосѣднихъ селахъ.

— Какъ хорошо!—вырвалось у о. Петра:—что можетъ сравниться съ этой ночью?

Войдя въ церковь, о. Петръ увидѣлъ горящія вензеля, алтарь, сіяющій огнями и цвѣтами. Изображеніе воскресенія все было увито цвѣтами, бѣлыми, розовыми, и казалось, что это Христось идетъ по цвѣтамъ въ саду Іосифа Аримаѳейскаго, чтобы сказать Магдалинѣ и прочимъ:

— Радуйтесь.

О. Петръ началъ службу съ особымъ подъемомъ чувства, съ какимъ-то необычнымъ трепетаніемъ въ груди. Онъ предъ своими глазами видѣлъ все то, чего такъ беспомощно искалъ въ кошмарномъ снѣ. Радость его было непредѣльна и слышалась въ каждомъ звукѣ его голоса, видѣлась въ каждомъ его движеніи. Отвѣтнымъ аккордомъ эта радость о. Петра поднималась со глубины сердецъ богомольцевъ.

Когда послѣ пѣнія предъ закрытыми дверями о. Петръ вошелъ въ искрящуюся огнями, наряженную цвѣтами, блистающую церковь и до паѳоса напряженнымъ голосомъ возгласилъ: «Христось воскресе!»—религіозное возбужденіе народной массы достигло апогея.

— Воистину, воистину воскресе!—гудѣла она:—воистину?..

И въ этомъ «воистину» было что-то стихійное, здѣсь выражалось что-то непобѣдимое, какъ всякая стихія, что-то вѣчное, неподлежащее умиранію. Въ этомъ стихійномъ «воистину» выливалось все лучшее, что есть въ человѣкѣ, все подлинно человеческое и свыше человеческое, здѣсь духовное, Божественное начало въ человѣкѣ какъ бы облекалось плотью и костями, принимало конкретныя формы и становилось очевиднымъ, осязаемымъ, реальнымъ...

— Воистину!

— Христось воскресе!—еще и еще возглашалъ о. Петръ подъ аккомпаниментъ ликующаго пѣнія.

И въ отвѣтъ ему еще и еще неся стихійный гулъ, заглашавшій и голосъ о. Петра, и пѣніе всего хора:

— Воистину, воистину!..

А о. Петръ въ этомъ гулѣ слышалъ свое собственное:

— *Не можетъ быть... Не можетъ быть...*

И онъ служилъ съ такой силой чувства, съ такой любовью ко Христу воскресшему и съ такимъ огнемъ священнаго воодушевленія, какъ, казалось ему, никогда раньше.

— Какъ хорошо-то, батюшка, какъ хорошо!—прошепталъ сторожъ Прохорычъ, подавая о. Петру въ концѣ заутрени тресвѣчникъ:—какъ въ раю... И солнце играетъ...

Въ глазахъ старика стояли слезы.

И о. Петръ не удержался и заплакалъ. Но не тѣми слезами тоски и отчаянія, которыми онъ такъ недавно—казалось—плакалъ предъ этимъ же престоломъ, а слезами дѣтской радости и чистаго восторга.

Н. Колосовъ.

„Руков. для сельск. паст.“.

П. А. ПАСТУХОВА

въ Симбирскѣ, Троицкой церкви
Фармацевтъ съ 1866 года.

ФОРМЕННЫЯ МАТЕРІИ

для всякаго въдомства и уезднаго

СОДЕРЖАНІЕ: На Страстной недѣлѣ. — Мис. дѣло: Чего нужно избѣгать при борьбѣ съ сектантами? — Новооткрытая грамата патр. Анеима. — Образчикъ публичной лекціи. — Церковь и школа: Случай чудеснаго исцѣленія. — К. И. Невоструевъ. — Жизнь и книги: Въ единеніи сила. — Епарх. лѣтопись Подвижникъ вѣры о. Алексѣй. Современная жизнь. Смѣсь: Пасхальный рассказъ. Приложение: Симбирская Смоленская икона Божіей Матери.

Печатать дозволяется. 1 апрѣля 1913 года.

Цензоръ протоіерей Сергій Медвѣдновъ.

РЕДАКТОРЪ **А. ЯХОНТОВЪ.**

Симбирскъ, 1913 г. Типо-лит. А. Т. Токарева.